

КОГДА БОРИС ФЕДОРОВИЧ ПОРШНЕВ СТАЛ ФРАНКОВЕДОМ?

Ключевые слова: Борис Федорович Поршнеv, биография, библиотека, библиографические карточки.

Key words: Boris Porshnev, biography, library, bibliography cards.

Б. Ф. Поршнеv (1905–1972) прожил большую и яркую жизнь, полную споров с отечественными и зарубежными оппонентами, с признанием научных заслуг в виде Сталинской премии, переводами работ на разные европейские языки, присвоением звания почетного профессора Клермон-Ферранского университета, а также убийственной критикой, вызванной его широкими, но довольно сомнительными философскими построениями, разнообразием научных интересов и причудливыми извивами мысли и, как нередко бывало в советскую эпоху, публичным покаянием.

Однако биография ученого остается в значительной степени еще *tabula rasa*. В частности, до настоящего времени неизвестно, когда он обратился к изучению французской истории. Нам уже приходилось отмечать, что будущий историк народных движений специально не занимался историей Франции, обучаясь на факультете общественных наук 1-го МГУ (1922–1925). Более того, заполняя анкету 21 ноября 1924 г. при поступлении на работу в Коммунистическую академию, в разделе «На каких языках говорите кроме русского», указал: «Ни на каких»¹.

В Коммунистической академии Б. Ф. Поршнеv с осени 1925 г. работал в Исторической комиссии, где сначала «изучал Союз Коммун Северной области», а затем приступил к исследованию под руководством профессора С. А. Пионтковского «истории Октябрьской революции»². Осенью 1926 г. Б. Ф. Поршнеv поступил в аспирантуру Института истории РАНИОН, представив работу «К истории Бакунина и бакунизма», что позволяет уверенно утверждать, что французский язык он к этому времени уже все-таки знал, поскольку большинство работ идеолога анархизма написаны именно на французском. В Институте истории РАНИОН Б. Ф. Поршнеv специализировался по секции Новой русской истории, которой руководил старый большевик В. И. Невский. Здесь ему пришлось заниматься исследованием общественных движений и общественной мысли России второй половины XIX в.³

В этот же период Б. Ф. Поршнеv интенсивно изучал иностранные языки. В частности, известно, что аспиранты уже ко второму году обучения должны были владеть двумя иностранными языками. Б. Ф. Поршнеv посещал занятия по немецкому, французскому, древнерусскому, английскому языкам и латыни. Трудно сказать, в какой мере он овладел всеми перечисленными наречиями. Но с французским, по-видимому, все

Тамара Николаевна Кондратьева, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения и документационного обеспечения управления Института гуманитарных наук Тюменского государственного университета. Сфера научных интересов — история российской медиевистики первой половины XX в. E-mail: ktamara1960@yandex.ru.

¹ Архив РАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 310. Л. 55.

² Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 211.

³ Архив Ф. 350. Оп. 3. Д. 310. Л. 55; Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 195, 205, 208–208об.

обстояло благополучно. Преподаватель Потоцкая отмечала, его «безукоризненную» посещаемость и «вполне удовлетворительные» знания и навыки¹.

Борис Федорович нередко подчеркивал, что его учителем был будущий академик и известный специалист по истории общественной мысли и утопического социализма Франции В. П. Волгин. Его студент Поршневу мог, вероятно, слушать в 1-м МГУ, который тот возглавлял. В 1929 г. в Институте истории РАНИОН аспиранту Б. Ф. Поршневу довелось «не по специальности» писать и сдавать С. М. Моносову (заведующему кафедрой истории промышленного капитализма 1-го МГУ и члену секции истории Запада Института истории РАНИОН) и В. П. Волгину (заведующему секцией истории Запада Института истории РАНИОН) доклад «Социальные идеи Руссо». Выступление не вызвало у рецензентов восторга. Они оба отметили склонность автора к спекулятивным построениям и синтетическому конструированию — грех, за который Б. Ф. Поршневу многократно будут пенять в дальнейшем². С. М. Моносов сокрушался, что не может по докладу судить о марксистской подготовке автора, ибо «в своей работе он изучает не социальные корни учения Руссо и не историческую обстановку его времени, а пытается лишь интерпретировать противоречие системы Руссо. При этом автор обнаруживает известные спекулятивные способности, но одновременно и неясность мысли, претенциозность, склонность к некоторым трюизмам и слабую философскую подготовку»³.

В. П. Волгин, следуя дожившей до сегодняшнего дня академической традиции не говорить о непонравившейся работе ничего хорошего и все-таки одновременно оценивать ее положительно (чтобы с таковой, очевидно, больше не встречаться), так и поступил. Приведем полностью его любопытный и во многом типичный для таких пограничных (в экзистенциальном смысле) ситуаций отзыв: «Работа тов. Поршнева весьма своеобразна по построению. Это — не столько историческое исследование, сколько теоретическое рассуждение. Тов. Поршневу берет по необоснованному выбору известный ряд положений Руссо, устанавливает между ними противоречия и затем производит с этими положениями чисто логические манипуляции, исходя из заранее взятого предположения о том, что «логические предпочтения» Руссо выражают «объективные противоречия» буржуазного общества. Мне этот метод представляется спорным и все построение в целом малоубедительным. Тем не менее, доклад свидетельствует о вдумчивой проработке тов. Поршневым произведений Руссо, об известной силе чисто конструктивного мышления тов. Поршнева и о тенденции к применению марксистского метода, однако несколько своеобразно понимаемого. Поэтому считаю возможным признать доклад удовлетворительным и подлежащим зачету»⁴.

Собственно, к этому, видимо, и свелась все ученичество Б. Ф. Поршнева у В. П. Волгина. Работа Б. Ф. Поршнева в ИСС под руководством А. С. Пионтковского и специализация по секции Новой русской истории в Институте истории РАНИОН говорят в пользу того, что в 1920-х гг. он не собирался становиться ни франковедом, ни

¹ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 168. Подлинные протоколы заседаний методического бюро и собраний аспирантов. Начато 15 октября 1926 г. Окончено 26 апреля 1928 г. Л. 8, 13об.—14; Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 207об.; Ф. 359. Оп. 1. Д. 1. Л. 43, 55; Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 196, 206, 215.

² См. многочисленные примеры: Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе (20-е — начало 50-х гг. XX в.). Тюмень, 2003.

³ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 199.

⁴ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 202.

историком утопического социализма. Его интересовала российская история и общественная мысль XIX в., что логично обусловило выбор секции Новой русской истории во главе с В. И. Невским. И Невский, и, вероятно, Волгин являлись учителями Бориса Федоровича в 1-м МГУ. Но все же в большой степени в этом преуспел Невский: именно на работу во Всероссийскую библиотеку им В. И. Ленина, которой он руководил, поступает Б. Ф. Поршнев после возвращения из Ростова в 1932 г.¹ Теперь о том, почему Б. Ф. Поршнев в дальнейшем позиционировал себя как ученик В. П. Волгина и никогда не вспоминал о В. И. Невском, С. А. Пионтковском и др. Ответ очевиден: в 1936–1937 гг. В. И. Невский и С. А. Пионтковский были репрессированы и расстреляны, поэтому обозначать с ними свою связь до середины 1950-х гг. было, по меньшей мере, не безопасно. К этому времени Б. Ф. Поршнев стал уже признанным историком Франции, которому нужно было по каким-то причинам мифологизировать отчасти свою раннюю академическую биографию.

Известно, что в 1929 г. Институт истории РАНИОН был переведен в Комакадемию, откуда, не защитив диссертации, Б. Ф. Поршнев был отчислен 31 декабря 1929 г. С января 1930 г. он приступает к работе в качестве преподавателя в вузах Ростова-на-Дону. Воспроизведенные данные еще совсем недавно позволяли мне говорить о том, что поворот Б. Ф. Поршнева к франковедению произошел в начале 1930-х гг., предположительно во время его работы в Ростове². Однако недавно найденные документы заставляют скорректировать это предположение.

В фонде Б. Ф. Поршнева, хранящемся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки, имеется папка «Библиографические материалы по истории Франции. 1920-е гг.» и насчитывающая 141 л. В папку вложены два почтовых конверта, наполненные библиографическими выписками. Конверты содержат заполненные бланки заказов (требований), принадлежащих библиотеке имени В. И. Ленина. Часть этих требований заполнена (причем разной рукой), часть нет. Но на всех них с оборотной стороны рукой Б. Ф. Поршнева и с указанием его фамилии зафиксированы названия книг по французской истории. Оборотная сторона бланка оставалась чистой, и, очевидно, Б. Ф. Поршнев использовал эти бланки как библиографические карточки. Всего таких карточек около 50. Они ценны тем, что лицевая их сторона в ряде случаев содержит штамп библиотеки, указывающий дату заполнения. На некоторых карточках сохранился полный оттиск года, на других — только две первые цифры «19»³.

Итак, мы располагаем 13 карточками, датированными разными днями апреля 1929 г., 6 карточками — за 1930 г. (1 — февраль, 1 — июнь, 5 — декабрь), 1 карточкой — за февраль 1934 г., 8 карточками — за 1940 г. (7 — август, 1 — февраль); 1 карточкой — за февраль 1941 г.; и 24 карточками — без указания года.

В основном на них занесена библиография на французском языке, три наименования — на немецком языке, и несколько — на русском⁴.

Резонно предположить, что штампы за 1929–1930 гг. точно указывают на год начала Б. Ф. Поршневым франковедческих штудий. Однако не будем спешить с выводами. Еще раз здесь отметим, что лицевые стороны карточек-требований заполнялись разными людьми, и эти заказы относятся к разным областям знаний. Например, на одном за-

¹ Архив РАН. Ф. 1574. Оп. 4, Д. 90. Л. 4 об., 8.

² Кондратьева Т. Н. Борис Федорович Поршнев: учеба в Институте истории РАНИОН // Европа: международный альманах. Тюмень, 2011. Вып. X. С. 157.

³ ОР РГБ. Ф. 684, К. 9, Д. 10.

⁴ Там же.

казе от 11 апреля 1929 г. читаем: «Богоявленская. Практическая медицина», на другом: «Голос», 1912»¹.

Нас интересуют работы, зафиксированные на карточках с печатями 1929 и 1930 гг. Вот их перечень за 1929:

1. Thomas A. Une Province Sous Louis XIV : Situation Politique et Administrative de la Bourgogne De 1661 À 1715. 1844.

2. Histoire de l'import eu France. Т. 1–2.

3. Gaillard. Histoire de la rivalite de la France et de l'Aungleterre. 1771

4. Ein Brieff von Austerdam nach Haag, die zun allgemeinen Friden von Frauhrich gethane Vorschlage betreffend

5. Histoire des revolutions de France. 4 vol. 1783

6. Auquetil. Motifs des guerre at des traits de paix de la France... depui... 1648, — jusqu'a...1783. 1799

7. Prigine des premieres mouvements de Rebellion, en la principaure de Catologue. Par le Cosmiphil. 1654

8. [Pierre Clement] Trois Drames Historiques

9. Dareste de la Chavanne. Histoire de l'administration en France. Т. 1–2.

10. Современник 1861 г. Т. LXXXVI, №№3 и 5 (ст. Пекорского. Журналистика в Фр. до революции)

11. Funck-Brentano. L'Ancienne France. [Paris, 1912]

12. Carpefigue. Ninon de Lenclos et les princesses de la place royale Monlaur [M.P.]. La Duchesse de Montmorency [1600–1666]. [1898]

13. Cheruel A. Saint-Simon considere comme historien de Louis XIV.

14. Bloch M. Les caractères originaux de l'histoire rurale française. [Tome I. 1931].

15. Castelnau J. Le Paris de Louis XIII (1610–1643). 1928.

16. Voyages de M. Payen, lieutenant général de Meaux (1668)

17. Mémoires contenant divers ... était la France lors de la mort de Louis XIII, et celui où elle est à présent — (1684)

18. Le Tresor des hasangues at remonstrances, faites aux ouvertures du parlement, et aux entrées des roys, reynes, princes, princesses de condition. Paris, 1660. Т. 1–2.

19. Le guide fidelle des etraugees dans le voyage de France. Paris, 1672.

Легко заметить, что в картотеку включены источники прежде всего нарративного характера и мемуары, работы по политической истории, аграрной сфере, торговле и финансам, административному управлению, народным движениям.

Среди упомянутых работ — знаменитое исследование Марка Блока «Характерные черты французской аграрной истории», которое было издано впервые в 1931 г.² У Б. Ф. Поршнева оно занесено на карточку со штампом 1930 г.³ Объяснение этому может быть только одно: Б. Ф. Поршнев, который после возвращения из Ростова-на-Дону начал работать в библиотеке им. В. И. Ленина, использовал, может быть, по бедности, может быть, по каким-то иным причинам старые, бывшие в употреблении карточки. Думается, что книга Марка Блока никак не могла попасть в библиотеки СССР раньше 1932–1933 гг. Исходя из этого, можно сделать вывод, что Б. Ф. Поршнев занялся изучением истории Франции уже после возвращения в Москву, не ранее 1932–1933 гг.

¹ Там же. Л. 1 (об.), 2 (об.).

² Bloch M. Les caractères originaux de l'histoire rurale française. Oslo, 1931.

³ Там же. Л. 56

Можно с определенностью утверждать, что в 1933 г. он уже начал формировать и акцентировать свои исследовательские приоритеты. Сохранился его собственноручный заказ в «Справочно-библиографическое бюро Публичной библ[иотеки] СССР им Ленина», где он просит указать литературу по вопросу о структуре и организации французской армии времен правления Ришелье и Мазарини¹.

Добавим, что на карточках зафиксирована не только литература из библиотеки им. В. И. Ленина. Против двух наименований, правда, на требованиях за более поздние годы помечено, что они находятся в библиотеке Ленинградского университета, а напротив одной — что в библиотеке ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина².

Конечно, приведенные библиографические данные не исключают того, что поворот к франковедению у историка случился не после возвращения в Москву, но уже в Ростове-на-Дону. Однако сейчас 1932–1933 гг. (как годы трансформации Б.Ф. Поршнева в историка Франции XVII в.) представляются более вероятными.

Summary

The article covers the early period of Boris Porshnev's scientific life. After a detailed analysis of the bibliographic database from Boris Porshnev's personal archive the author comes to the conclusion that the historian began to research the French history of XVII century approximately in 1932 or 1933.

¹ Там же. Л. 52.

² Там же. Л. 34, 41, 42